

«КАМЕРА-ОБСКУРА»

ЕВГЕНИЙ ДЕМЕНКО

ПОЭТ ВАСИЛИЙ ТУМАНСКИЙ ГЛАЗАМИ ФУТУРИСТА

«Беседа о забытом поэте» – так назвал Давид Бурлюк свою заметку, опубликованную 29 октября 1933 года в нью-йоркской газете «Русский голос». Речь в ней шла о Василии Ивановиче Туманском.

Название это было, безусловно, актуальным для эмигрантских кругов, которые и составляли читательскую аудиторию «Русского голоса». Давид Давидович, выбравший для себя с первых дней работы в газете роль просветителя, публиковал многочисленные очерки и заметки о художниках, скульпторах, литераторах, музыкантах. Чаще всего это были его современники и даже друзья, но обращался он и к творчеству Пушкина, Гоголя и даже Державина (в контексте обсуждения книги Д. Благого «Три века»). И всё же заметка о Туманском выглядит удивительной, потому что имя его действительно вспоминалось и упоминалось крайне редко.

Однако были и исключения. Например, в Одессе о Василии Ивановиче Туманском никогда не забывали – в первую очередь, конечно же, благодаря Пушкину.

*Одессу звучными стихами
Наш друг Туманский описал,
Но он пристрастными глазами
В то время на неё взирал.
Приехав, он прямым поэтом
Пошёл бродить с своим лорнетом
Один над морем – и потом
Очаровательным пером
Сады одесские прославил.*

Этот отрывок из «Евгения Онегина» – о Туманском и его стихотворении «Одесса» – широко известен. Стихотворение было написано в 1824 году. Вот оно:

*В стране, прославленной молвою бранных дней,
Где долго небеса отрада для очей,
Где тополя шумят, синют фозны воды, –
Сын хлада изумлён сиянием природы.
Под лёгкой сению вечерних облаков
Здесь упоительно дыхание садов.
Здесь ночи тёплые, луной и негой полны,
На злачные брега, на сребряные волны
Сзывают юношей весёлые рои...
И с пеной по морю расходятся ладьи.
Здесь – тихой осени надежда и услада –
Холмы увенчаны кистями винограда.*

*И девы, томные наперсницы забав,
Потупя быстрый взор иль очи приподняв,
Равно прекрасные, сгорают наслажденьем
И душу странника томят недоуменьем.*

Именно Туманскому принадлежит фраза о том, что «Отрывки из путешествия Онегина», в которых так много строк посвящены Одессе, являются «грамотой на бессмертие для нашего города». Он писал это Пушкину 20 апреля 1827 года:

«По прошедшей почте послал я тебе „Одесский вестник“, который издаём мы здесь общими силами. Прими его, как знак нашего уважения к тебе, Главе Русской Поэзии. В будущем No. мы осмеливаемся напечатать, любезный Пушкин, твоё описание Одессы, оно принадлежит нам по праву, ибо в нём заключается *грамота на бессмертие* для нашего города».¹

Более того – рукопись с этой самой главой о путешествиях Онегина вообще некоторое время находилась у Туманского. Скорее всего, Пушкин отдал её Туманскому в 1826 году в Москве. В феврале 1827 года он писал ему в Одессу:

«Милый мой Туманский – ты, верно, ко мне писал, потому что, верно, меня любишь по-старому, но я не получал от тебя ни строчки. Уж не почта ли виновата? – справься и возьми свои меры. <...> Подкрепи нас прозою своею и утешь стихами. Прощай, пришли „Одессу“, мой отрывок».²

Василий Иванович Туманский родился 11 марта (28 февраля по старому стилю) 1800 года в селе Чарториги Глуховского уезда Черниговской губернии (ныне – село Шевченково Глуховского района Сумской области) в имении своего деда – Василия Григорьевича Туманского. Здесь Василий Иванович провёл первые два года жизни. Затем родители увезли его в своё имение – село Апанасовку Гадячского уезда Полтавской губернии (ныне – село Панасовка Липоводолинского района Сумской области). Он учился в Харьковской гимназии, а после смерти матери в 1814 году – в столичном Петропавловском училище, которое окончил в 1818 году. Продолжил образование в Париже, в *College de France*, в 1821 году вернулся в Россию. В Санкт-Петербурге Туманский сблизился с кругом будущих декабристов – стал членом Вольного общества российской словесности, познакомился с Крыловым, Рылеевым, Дельвигом, братьями Бестужевыми, Измайловым, Кюхельбекером и другими. Первое своё стихотворение, элегию «Поле Бородинского сражения», опубликовал ещё в 17 лет. Элегии надолго станут его излюбленной стихотворной формой.

Вот, например, написанная в 1825 году в Одессе элегия «Не озабочен жизнью я»:

*...Равно мой ум и сердце праздно:
Как бой часов однообразный,
Однообразна жизнь моя.*

*Напрасно возвратить я мнил
Под благосклонным небом Юга
Напевы счастья и досуга
И бодрость юношеских сил.*

*Напрасно сердце обновить
Алкал любви очарованьем
Иль славы гордым обладаньем
Любви потерю заменить.*

*Не изменился жребий мой!
Я вяну, скукой измученный,
Как вянет цвет, перенесённый
Под небо родины чужой.*

Олег Губарь пишет: «Когда весной 1823 года граф М.С. Воронцов подбирал кандидатуры в штат своей будущей канцелярии, вероятно, по чьей-то протекции, взял старательного, благонамеренного, скромного и „нигде не служившего дворянина“ Туманского в формируемую команду, поначалу даже без жалованья, и лишь с 17 декабря молодой человек официально определён в службу актуарнумом.

Василий Иванович, как и А.С. Пушкин, числился при Новороссийском генерал-губернаторе по ведомству Коллегии иностранных дел. Пушкин относился к нему с иронической симпатией, увековечив в „Путешествии Онегина“ упоминанием о романтическом стихотворении Туманского „Одесса“. „Здесь упоительнодыхание садов“, – восторгается последний, тогда как на самом деле Городской, Ботанический сады и Городская плантация пребывали тогда в зачаточном состоянии. „Насильственная тень“ – в одной пушкинской метафоре больше художественной силы и правды, нежели во всем опусе его одесского приятеля».³

Первые встречи Туманского с Пушкиным почти наверняка произошли ещё в 1817-19 годах в Санкт-Петербурге. В 1819 году, во время поездки в Париж, он сблизается с Кюхельбекером, посвятившим ему свои стихи, вдохновленные греческим восстанием («К Ахатесу»).

К АХАТЕСУ

*Ахатес, Ахатес! Ты слышишь ли глас,
Зовущий на битву, на подвиги нас?
Мой пламенный юноша, встрянь!
О друг, полетим на священную брань!*

*Кипит в наших жилах весёлая кровь,
К бессмертью, к свободе пылает любовь,
Мы смелы, мы молоды: нам
Лететь к Марафонским, святым знаменам!*

*Нет! нет! — не останусь в убийственном сне,
В бесчестной, глухой, гробовой тишине;
Так! ждёт меня сладостный бой —
И если паду, я паду как герой.*

*И в вольность, и в славу, как я, ты влюблён,
Навеки со мною душой сопряжён!
Мы вместе помчимся туда,
Туда, где восходит свободы звезда!*

*Огонь запылал в возвышенных сердцах:
Эллада бросает оковы во прах!
Ахатес! нас предки зовут —
О, скоро ль начнём мы божественный труд!*

*Мы презрим и негу, и роскошь, и лень.
Настанет для нас тот торжественный день,
Когда за отчизну наш меч
Впервые возблещет средь радостных сеч!*

*Тогда, как раздастся громов перекат,
Свинец зашипит, загорится булат, —
В тот сумрачный, пламенный пир,
«Что любим свободу», поверит нам мир!*

*Апрель 1821
Париж*

После возвращения в Петербург, попав в орбиту декабристов, Василий Туманский становится постоянным участником «Полярной звезды».

Близкое знакомство с Пушкиным состоялось уже в Одессе. «25 августа 1823 года Пушкин сообщает брату о Туманском как об общем знакомом; судя по письму, его несколько раздражала юношеская восторженность Туманского, и он стремился сохранить в отношениях с ним известную дистанцию. Столь же ироническое отношение вызывает у него творчество Туманского-элегика; в формуле „мой Коншин“ (письмо брату от конца января – первой половины февраля 1825 г.) есть прямое указание на подражательность стихов Туманского: Н.М. Коншин имел репутацию „поэтической тени“ Баратынского (ср. также в письме Пушкина к А.А. Бестужеву от 12 января 1824 г.: „Он славный малый, но как поэта я не люблю его“). Этой иронией слегка окрашен и поэтический портрет Туманского в „Путешествии Онегина“. Тем не менее, в целом отношение Пушкина к личности Туманского благожелательно; через него Пушкин осуществляет связь с петербургскими литературными кругами, прежде всего с „Полярной звездой“. Первое из известных нам писем Пушкина Туманскому, содержащее деловое поручение, вряд ли могло стать началом систематической переписки. Положение несколько меняется в 1826-1827 годы, в переломный период биографии Пушкина, после его приезда в Москву из Михайловской ссылки. В эти же дни в Москве находится и Туманский».⁴

Там, в Москве, Туманский читает Пушкину свою эпиграмму «Давно ли в шёлковых чулках». Скорее всего, в те же дни Пушкин дарит Туманскому тот самый свой «отрывок об Одессе» и знакомит его со своими стихами на смерть А. Ризнич («Под небом голубым страны своей родной...»). Об этих стихах Туманский упоминает в письме от 2 марта 1827 года – а так как опубликованы они не были, то, без сомнения, стали известны Туманскому в дни его общения с Пушкиным. «Тогда же он познакомил Пушкина и со своими стихами, посвящёнными памяти Ризнич, „На кончину Р<изнич>“, написанными годом ранее и ныне переданными им в альманах „Северная лира“. В альманахе они появились с посвящением Пушкину, которого не было в автографе; такое посвящение требовало согласия адресата и появилось, конечно, в те же осенние дни 1826 года».⁵

Вот этот сонет, написанный в Одессе в июле 1825 года:

НА КОНЧИНУ Р....

СОНЕТ

(Посвящ. А. С. Пушкину)

*Ты на земле была любви подруга:
Твои уста дышали слаще роз,
В живых очах, не созданных для слёз,
Горела страсть, блистало небо Юга.*

*К твоим стопам с горячностью друга
Склонялся мир – твои оковы нес;
Но Гименей, как северный мороз,
Убил цветок полуденного луга.*

*И где ж теперь поклонников твоих
Блестящий рой? где страстные рыдания?
Взгляни: к другим уж их влекут желанья,*

*Уж новый огонь волнует души их;
И для тебя сей голос струн чужих –
Единственный завет воспоминанья!*

Несколько скептическое отношение Пушкина к Туманскому к этому времени полностью меняется, соответственно меняются и отзывы Пушкина о Туманском: и «Греческая песнь», и «К одесским друзьям», по мнению Пушкина, «отличаются гармонией, точностью слова и обличают решительный талант».⁶

Последняя встреча Туманского с Пушкиным состоялась в январе 1831 года в Москве. «„Пушкин радовался, как ребёнок, моему приезду, – писал он С.Г. Туманской 16 марта 1831 года, – оставил меня обедать у себя и чрезвычайно мило познакомил меня с своею пригожею женою“».⁷

До нас дошли два письма Пушкина к Туманскому и три письма Туманского к Пушкину.

Ну что же, самое время привести заметку Давида Бурлюка.

«БЕСЕДА О ЗАБЫТОМ ПОЭТЕ

*„Муж почитаемый в сердцах не умирает,
Из самой вечности бросает тень свою“
В.И. Туманский, 1817*

Следует пишущей братии почаще иметь дело с миром книги. Былой и нынешней.

Заходите в библиотеку; берите книги, перелистывайте их. Беседуйте с живыми и мёртвыми. (Русское слово „книга“ произошло из греческого „гноско“, что значит – узнаю).

Книга – путь к познанию. Замок мудрости строится из кирпичей, имя которым – книги. Никто не может отговариваться от чтения книг.

Среди персон пушкинской плеяды, в рядах декабристов были имена: К.О. Рыльева, А.А. Бестужева, Марлинского (<sic>), В.К. Кюхельбекера.

К А.С. Пушкину был близок В.И. Туманский. Это имя теперь основательно забыто. А именно В.И. Туманскому Пушкин в 1827 году писал: „Подкрепи нас прозою своею и тещь стихами“. Пушкин именвал Туманского „поэтом юга“.

А.С. Пушкин, как известно, был строг к себе и другим; ему принадлежит фраза: „Мало у нас писателей, которые учились бы, большая часть только разучиваются“. Туманский получил хорошее образование, знал языки, переводил с греческого и немецкого.

Я думаю, нашим колониальным любителям литературы будет интересно посмотреть и вспомнить канву былой жизни В.И. Туманского.

Родился 28 февраля 1800 года, умер 23 марта 1860 года, в Апанасовке Полтавской губернии, Гадячского уезда. Поэтическая деятельность В.И. Туманского началась в 1817 году, но он был небрежен к себе и при жизни не приложил старания привести в порядок свои стихи. Стихи собирались, хранились и издавались... другими. Вот результаты.

Но раньше несколько слов о количестве книг, выпускаемых в свет.

Ломоносов в 1751 году издал в свет свои сочинения. Он наметил издать 725 экземпляров, но так как предварительная подписка была удачной, то перерешил и издал 1450 экземпляров. Привожу здесь, чтобы показать на рост массы читательской.

У В.И. Туманского, проживавшего 16 последних лет жизни своей в Старосветской Апанасовке, был друг Г.А. Милорадович. Этот приятель, поклонник поэта, в 1881 году издал „Стихотворения“ Туманского. Они были изданы в количестве 150 экземпляров. Через 10 лет Г.А. Милорадович вновь выступил с изданием трудов Туманского; на сей раз в количестве 100 экземпляров были изданы „Письма“. Оба издания сугубо провинциальны; много промахов, искажений текста. Заседают опечатки. Лишь в 1912 году С.Н. Браиловский выступил со сравнительно очень приличным изданием стихов поэта и его писем.

Вернёмся к датам жизни поэта: в 1823-м В.И. Туманский сослуживец Пушкина в Одессе, в канцелярии Воронцова. В 1825 году встречается с приехавшим в Одессу Мицкевичем, великим польским поэтом.

В 1835 служит в Константинополе. С 1839 по 1846 – служба в Питере, а затем закатные годы жизни на Украине.

В заключение этого напоминания о поэте Туманском два маленьких кусочка его поэзии».

Увы, скрупулёзный Давид Давидович, который старательно вырезал свои заметки и наклеивал их в большие альбомы, «два маленьких кусочка» поэзии Туманского не сохранил. Мы восполним этот недостаток в конце данной статьи. А теперь хотелось бы более подробно рассказать о жизненном пути Туманского после отъезда в 1828 году из Одессы.

Первое время он служил при председателе диванов княжеств Молдавии и Валахии графе Палене, редактировал там проект Адрианопольского мирного договора между Россией и Турцией. С лета 1835 года был определен на должность второго секретаря Российской дипломатической миссии в Константинополе. Там его поэтическая активность пошла на убыль, известны лишь два написанных там стихотворения, «Дева» и «Дом на Босфоре».

В 1839 году возвращается в Петербург, где получает должность помощника статс-секретаря по экономическим вопросам в Государственном совете. После того, как по поручению барона Корфа он пишет для Николая I очерк об истории Государственного совета России (окончена лишь первая его часть), он получает чин действительного статского советника.

Однако после этого у Василия Ивановича обостряются проблемы со здоровьем, он часто выезжает на лечение, конфликтует с новым государственным секретарём Н. Бахтиным и в итоге в 1846 году обращается к императору с прошением об отставке. Отставка была принята, и в сравнительно молодом возрасте, в сорок шесть лет, он возвращается в места своего детства, в Апанасовку.

Академик, выдающийся украинский правовед Юрий Сергеевич Шемшученко, автор книги «Наш друг Туманский», так рассказывал о последнем периоде жизни поэта:

«В Апанасовке он занялся „агрономией“ и обустройством своего дома. Часто выезжал в Москву, Петербург, Полтаву и на Глуховщину. Имел хорошую библиотеку, выписывал газеты и журналы, вёл обширную переписку, много читал, но поэзией не занимался. Был активным местным общественным деятелем. Состоял почётным попечителем Полтавской гимназии и членом Полтавского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян. Незадолго до крестьянской реформы 1861 года подготовил наброски привативственной речи, с которой намеревался выступить перед своими крестьянами в день царского манифеста.

„Считаю себя истинно счастливым, – писал В. Туманский, – что дожил до этого радостного дня вас дня... Совесть моя перед вами чиста: я жил с вами всегда в мире, несмотря на крепостное право... Поздравляю с правами гражданства; будьте счастливы, богатейте, живите лучше и учите детей ваших всему доброму и честному“.

Эти наброски стали духовным завещанием Василия Ивановича. Он не дожил до манифеста. 23 марта 1860 года в родном доме остановилось его благородное сердце.

<...>

– Какое литературное наследие оставил после себя В. Туманский?

– До нас дошла только часть прозаических произведений и около 200 стихотворений Василия Ивановича. Это и стихи гражданского звучания, и романтическая лирика. Как отмечал А. Пушкин, произведения В. Туманского „Греческая песнь“ и „К одесским друзьям“ „отличаются гармонией, точностью слова и обличают решительный талант“. В целом его поэзия получила положительную оценку и со стороны таких мэтров литературы, как В. Белинский, Н. Некрасов, Н. Гоголь.

<...>

– В заключение несколько слов о судьбе именней, где родился и умер Василий Иванович?

– Она весьма печальна. Оба имения после смерти В. Туманского оказались в руках его родного брата Владимира, а от него перешли по наследству к сыну последнего Михаилу. Он был заядлым картёжником и фактически промотал имения в Черторигах и Апанасовке. Во время революционных событий 1905-1906 годов оба имения были сожжены разбушевавшейся толпой.

Сейчас в селах Шевченково и Панасовке на Сумщине немного напоминает о друге А. Пушкина. В первом – это развалины кирпичной ограды да старая липовая аллея на усадьбе Туманских. А во втором – могила В. Туманского во дворе сельской школы с весьма скромным памятником, над которым тихо шумят вечнозеленые ели.⁸

В 1830-е годы, когда возобладала «поэзия мысли», Туманский остался верен элегии, но усилил в ней «объективное», эпическое начало. Его стихотворения стали более конкретными и содержательно более широкими и мудрыми. В эти годы написаны лучшие его стихотворения, среди которых и «Отрады недуга», окончание которого передаёт тихое, умиротворённое и гармоничное спокойствие много пережившего человека.

«Со смертью Пушкина творческий огонь Туманского начал затухать. Из его стихотворений несколько дошло до нашего времени и сохранило художественную ценность. Среди них „Песня“ („Любил я очи голубые...“). Положенная на музыку, она исполняется и ныне.

*Любил я очи голубые,
Теперь влюбился в чёрные.
Те были нежные такие,
А эти непокорные.<...>*⁹

Недавно восстановленная могила Василия Ивановича Туманского является теперь главной достопримечательностью Панасовки. И – вот ирония судьбы – оттуда до хутора Семиротовщина, где родился Давид Бурлюк, рукой подать, всего несколько десятков километров. Возможно, в том числе и этим был обусловлен интерес Бурлюка к Туманскому. И, разумеется, Одессой, где оба провели важные годы своей жизни.

В заключение – несколько стихотворений Василия Ивановича Туманского.

ОТРАДЫ НЕДУГА

От всех тревог мирских украдкой
Приятно иногда зимой
С простудой, с лёгкой лихорадкой
Засесть смиренно в угол свой;
Забыв поклоны, сплетни, давку,
И даже модных дам собор,
Как нектар, пить грудную травку
И думам сердца дать простор.

Тогда на зов воображенья,
Привычной верности полны,
Начнуг под сень уединенья
Сходиться гости старины:
Воспоминания, виденья,
Любви и молодости сны.
Ум просветлеет; голос внятный
В душе опять заговорит,
И в мир созданий необъятный
Мечта, как птица, улетит...

Пройдут часы самозабвения,
Посмотришь: день уж далеко,
Уж тело просит усыпления,
А духу любо и легко, –
Затем что, голубем летая
В надзвездном мире вечных нег,
Он, может быть, хоть ветку рая
Принёс на радость в свой ковчег.

Март 1838

ГРЕЧАНКЕ

Царицей дев наречена
Ты вдохновеннем поэта;
Гордись! Ты будешь им воспета,
Ты будешь по свету слышна.
На резвых играх Терпсихоры,
Где звон музыки, гул речей,
Мельканье ножек, блеск огней
Обворожают слух и взоры,
Где, удаль праздников любя,
Весельем жарким младость дышит,
Одну тебя он в шуме слышит,
В толпе он зрит одну тебя.
Прелестным станом упоенный,
Влекомый страстною мечтой,
Не раз он в пляске окрылённой
Кружился радостно с тобой.
Когда же локон твой касался
Его влюблённого чела,
Какой в нём трепет разливался!
Как резво кровь его текла!
Гордись, гордись! он в лиру грянет!
Он твой!.. Как бледный цвет пустынь,
Уж ныне в мраке не увянет
Краса, достойная богинь.
Обречена любви и славе,
Двойным увенчана венцом,
Ты в пнигической державе
Предстанешь с царственным челом.
И, веря гордому напеву
Певца, наперсника харит,
Про победительную деву
С восторгом мир заговорит...

Я в дивный пояс Афродиты
Твой стан воздушный облечу;
Сотку из роз твои ланиты,
Из роз твои уста сотку.
В глаза, под гордые ресницы,
Я брошу быстрый огонь зарницы,
И в них зажгу я тихий свет –
Любви таинственный привет.
Как с девственным челом Дианы
Порой играют облака –
То в сребротканые туманы
Её опутают слегка,

То, разбегайся мгновенно,
Как тени творческой мечты,
Вновь кажут ночи усыпленной
Её алмазные черты,—
Так будут кольца шелковые
Летучих облачных кудрей
Играть, небрежно рассыпные,
С красой блистательной твоей.
Я полн твоим очарованьем,
Тебе Олимп я покорю;
Всю блеском дивным озарю,
Всю обовью благоуханьем!
Певца всемогущая любовь
Тебя бессмертьем увенчает.
Пою — во мне сам Феб пылает!
А ты награду мне готовь!

13 февраля 1827

ОДЕССКИМ ДРУЗЬЯМ
(Из деревни)

В тиши семейственной, под милою мне сенью,
Предавшись сладкому Поэзии влеченью,
Я сердцем памятным средь неги не забыл
Полуденных друзей, полуденных светил.
С отрадой мысль моя в тот край перелетает,
Где небо, как любовь, приветливо сияет,
Где вьётся виноград, питомец южных стран;
Где ум и взор и слух пленяет океан,
Неумолкающий, необозримый, чудный,
То ясно-голубой, то ярко-изумрудный;
Где служба царская и служба добрых муз
Единомыслием скрепили наш союз.
Но я ль, мои друзья, к противуречьям склонный,
Венчанный розами в отчизне благосклонной,
Вас ныне обману притворною тоской? ..
Нет! весел сердцем я, и весел голос мой.
Завидуйте певца благословенной доле:
Я мыслю и ленюсь и странствую по воле.
Ярмом мирских сует стеснённая душа
Очнулась, ожила, свободною дыша,
И вдохновение в ней гордо пробудилось;
Пред ней грядущее вновь блеском озарилось;
И, обозрев, кляня мой прежний, тёмный путь,
Я силу чувствую на славу посягнуть.
Склониться сладостно к утехам деревенским
Тому, кто, не пристав к несносным сплетням женским,
К условиям невежд, к служению льстецов,
Ценит по-своему блаженство городов,
И, друг Природы, друг святых её уставов,
В душе не ослеплён блестящим прахом нравов.
Здесь тишины моей ничто не возмутит:
Не завернёт ко мне бродяга — езуит,
Народа русского служитель чужеземный,
Россию осквернять хвалой своей наемной;
Напева нового моих горящих струн
Приходом не прервёт городской болтун,

Как с башни колокол гласящий всенародно,
Где свадьба, где пожар, где праздник благородный,
Я здесь не осуждён в кругу жеманных дам
Учтиво потакать бессмысленным речам
Иль слушать набожно премудрые их толки,
Где вместе: вера, Бог, булавки и иголки...
Я вижу вкрут себя лишь милых мне людей.
Ты здесь, мой лучший друг от юношеских дней,
Усердный гражданин, философ доброхотный,
Поклонник радости и неги беззаботной,
Сестра любимая! очам моим всегда
Ты здесь являешься, как тихая звезда,
И чистотой души мне небо открываешь.
И ты, моя любовь, и ты здесь обитаешь!
Отрада первая моих сердечных дум,
Ты свежестью ума живишь мой праздный ум,
И, как весна, мила, блистательна, как радость,
Усталых чувств моих восстанавлиешь младость.
О, сколько в сей тиши утех прекрасных мне!
Светило ль дня горит на яркой вышине
И, воздух раскалив, во мрак дубрав сплетенных
Прогонит пастухов, от зноя утомленных;
Иль летних вечеров полупрозрачный свет
Из хижин вызовет для песен и бесед
Толпы весёлых дев, – мы вместе: сном отрадным
Летит наш ясный день. То внемлем ухом жадным
Свободной старины заветную скрижаль,
То, сердцем погрузись в мечтательную даль,
В роскошном трепете и радости и муки
Мы ловим Пушкина пленительные звуки.
Порой лукавый смех, добросердечный спор
Лениво прерванный пробудят разговор,
И быстро бросится душа к предметам новым.
Когда ж, под сумраком всплывая пурпуровым,
Прохладой, тайнами ночей напоена,
На тёмный небосклон подыметя луна
И землю усыпит волшебным усыплением, –
К ней очи устремив с невольным умлением,
В мечтах блуждаем мы над озером своим;
Глядим на бездну вод, на облака глядим, –
И мнится: в облаках мелькают перед нами
Живые образы бесплотными тенями;
И мнится: небеса, дубравы и струи –
Всё полно голоса и ласки и любви,
Как будто бы душа духовной лире внемлет
И в откровениях чудесный мир объёмлет.
О други! чья приязнь, чьи тёплые мольбы
Мне столько милых благ исторгли у судьбы?
Сбылись мои мечты, сбылись мои желанья,
Мой рай вокруг меня; сосуд очарованья
Я пью – и, прослезясь, взываю к небесам:
«Как жертва чистая да вознесётся к вам
В сих радостных слезах певца благодаренье;
Вы ниспослали мне и мир и наслажденье, –
Хвала вам! но ещё дерзаю вас молить
Пошлите силу мне ваш дивный дар хранить».

*Июль 1826
Ярославцу*

Примечания:

¹ Цит. по: http://az.lib.ru/p/pushkin_a_s/text_1827_perepiska_s_tumanskim.shtml

² Там же

³ Цит. по: <http://odessa-memory.info/index.php?id=620>

⁴ Цит. по: http://az.lib.ru/p/pushkin_a_s/text_1827_perepiska_s_tumanskim.shtml

⁵ Цит. по: http://az.lib.ru/p/pushkin_a_s/text_1827_perepiska_s_tumanskim.shtml

⁶ Цит. по: <https://traumlibrary.ru/book/pushkin-pss10-07/pushkin-pss10-07.html>

⁷ Цит. по: http://az.lib.ru/p/pushkin_a_s/text_1827_perepiska_s_tumanskim.shtml

⁸ Цит. по: https://zn.ua/SOCIUM/v_nem_mnogo_prekrasnogo.html

⁹ Цит. по: <https://lit.wikireading.ru/11885>